



## «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος

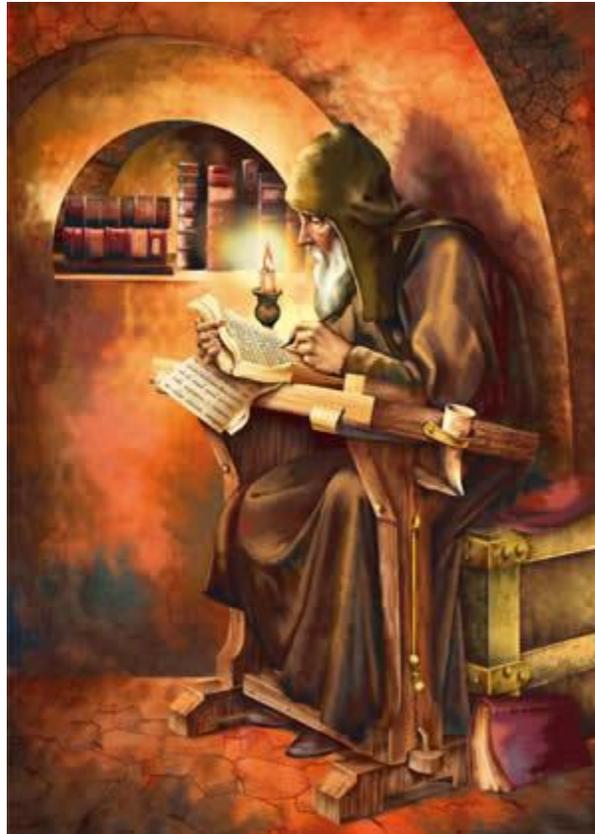
Выпуск №3





# Молитва

*кд преподобному и богоносному отцу нашему Нестору,  
летописателю, Печерскому подвижнику и чудотворцу.*



*О, преподобне отче наш Несторе, яви бо тя Господь земле Русской в темней пещере Киевстей, да летописаниями твоими о начале и первом устройении нашея земли, светом Христовым просвещаемья, и сказаниями о святых подвижниках Печерския обители просветиши очи наши, принося нам пользу многую и возбуждая в нас благодарение Богу! Ты бо, достохвальне писателю, написал еси святолетные жития отцев Печерских, в соборе коих ныне и сам ублажаем, не токмо тростью на хартии, но и на*



*молитвами своими даруй нам имети делом и истинною (1 Ин. 3, 18) великую любовь к нашим духовным наставникам, церковным архипастырям и пастырям, учителем, и да чрез наши добрые дела прославляется Бог и величается Церковь Христианская.*



*Богомудре наставниче наш Несторе, ты, во ангельском образе иноческого жития и степени диакона день ото дня усугубляя свои добродетели, умерщвляя все плотские страсти и творя всякую истину, зная добре слова Самого Господа: "Бог есть Дух; и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине" (Ин. 4, 24), помози нам, да будем не плотскими, но духовными человеками, истинными рабами и поклонниками Божиими. Духа неприязни и раскола, в котором несть истины, да победят в себе малороссийстии людие кротостию и послушанием, чтением твоих писаний, а наипаче твоею неизреченною помощию и образом твоея кротости, ибо ты смиряся, исповедал себя недостойным невеждою, исполненным множества грехов.*

*Ты, преподобне писателю житий святых и деяний мирских, по внушению Божию, явил честные мощи преподобного Феодосия, и, аки многоценный бисер, принес их из пещеры в великую Печерскую церковь, был свидетелем великих, бывших тогда, чудес. Пожив лета многа, трудяся в деле летописания и помня вечные лета, тако угодил Творцу веков, к Которому, после временных лет преставился еси, и быв положен в пещере, идеже доныне честное твое тело почивает в чудотворном нетлении, и нас сподоби блаженныя христианския кончины земнаго жития нашего и доброго ответа на Страшнем судище*

*Христове.*

# Святой Нестор Летописец



- Немало на Руси пережили люди радостей и несчастий. И Нестор старался запомнить и записать события дней минувших, чтобы сохранить их в памяти народной.



*Молитвами твоими, Богоносне отче, да и мы, пожив в благодати Божией наше время лета Господня приятного, будем вписаны в книге жизни Агнца Божия, Христа Спася нашего, лета Которого не оскудеют. Ему с Богом Отцом и Животворящим Духом подобает от нас всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.*

## *Немного об Апостоле Андрее*

*Пусть по молитвам Церкви Христос дарует Вам, дорогие наши читатели, такие же мужество, трудолюбие, послушание, веру и верность, какими (согласно своему имени - "Андрей" в переводе с греч. "мужественный") обладал святой апостол Андрей!*



*Согласно преданию — а верить хочется только ему! — святой апостол Андрей Первозванный прошёл по нашим таврическим и херсонским землям, поднимаясь вверх по течению Днепра (древнего Борисфена) от Крыма до Новгорода. Апостол начал проповедь Евангелия на Боспоре, в Пантикапее — то есть в Керчи — почти за тысячу лет до Крещения Руси.*



*Орден Святого Андрея Первозванного.*

*О том, что апостол Андрей Первозванный поехал проповедовать христианство в Тавриду и Скифию сказано у христианского историка Евсевия Кесарийского. Часто против этой информации выступают с аргументом, что апостолы ехали проповедовать прежде всего к евреям и лишь когда те выгоняли их, шли к язычникам, о чем свидетельствует общий контекст книги Деяний Апостольских. А какие евреи могут быть в Киеве или на Валааме, куда, как пишет «Повесть временных лет», приезжал апостол? Надо признать, что незаселенный в те времена Валаам смотрится как совсем экзотическая версия.*



*Киев, вполне возможно, апостол посещал, поскольку в те времена на территории города было множество поселений праславянской Зарубенецкой культуры, торговавших к тому же с греками. Следов же пребывания апостола Андрея в Крыму, косвенно свидетельствующих в пользу Евсевия Кесарийского, очень и очень много, начиная с топонимики и заканчивая некоторыми сохранившимися памятниками. Прежде всего у апостола был прямой смысл приезжать в Крым. В Крыму в I веке жила большая еврейская община.*

*В книге, посвященной евреям Крыма «Украина. Евреи. Тавриды неугасаемая свеча» есть фотографии некоторых еврейских памятников Крыма датируемых I веком н.э. Любопытно, что самая известная христианская базилика в Херсонесе – так называемая базилика 1935 года, в I веке была синагогой. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии НАН Украины Виталий Зубарь и доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского университета, академик Украинской академии исторических наук Сергей Сорочан в книге «У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера» доказывают, что община этой синагоги обратилась в Христианство или приняла Иешуа своим Мессией (кому как нравится) уже в I веке. Таким образом, базилика 1935 года в Херсонесе – самое первое место собрания верующих в Иисуса Христа на территории всей Руси и современной Украины....*

*В.С.*

По интернет-материалам журнала "Русский Дом"

# О ДУШЕ

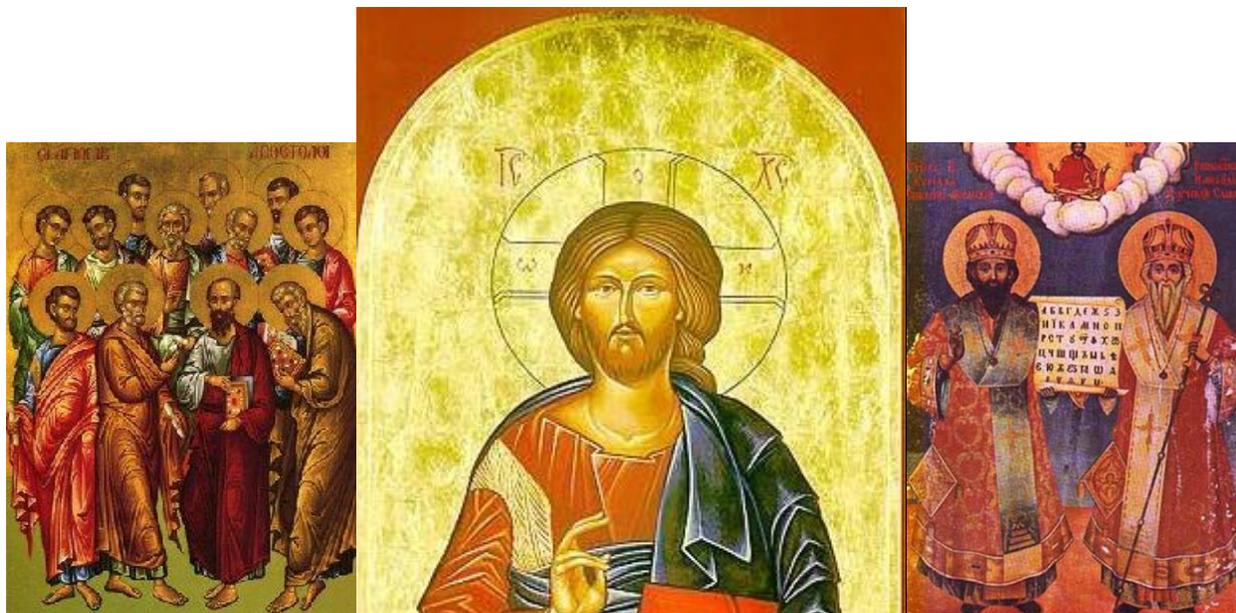
## Добрые сердца.

Миша и Ваня спешили в школу. На дороге к ним подошла нищая старушка. Она сказала: «Подайте хлеба, ради Христа!» Мальчики посмотрели на бабушку. У нее одежда была разорвана. Мальчикам стало жалко старую бабушку. Они дали ей 20 рублей. Она так обрадовалась, что упала на колени. Ваня помог бабушке подняться, а Миша подал ей сумку. Благодарная улыбка озарила лицо бабушки.

*Саша Козьмин*



## *Утренняя молитва учителя*



*Господи Иисусе Христе, Наставник мой и Учитель, ныне иду к ученикам, которых Ты даровал мне, Ты же меня укрепи, светом Твоим просвети и помилуй.*

*Дай, Господи, мне видеть в каждом ученике Твой образ и подобие и драгоценного друга Твоего, ради которого Ты принял крестную смерть.*

*Дай, Господи, мне терпение, смирение, любовь, внимание и трезвость. Просвети Своим светом всякого учащего и учащегося и помилуй учеников моих, о них же дерзаю недостойный молиться (имена учеников).*

*Дай, Господи, мне разумение как и когда подобает мне действовать. Когда с необходимой строгостью и твердостью, когда со снисхождением и милосердием, а когда оставлением, молчанием и молитвой.*

*Укрепи во мне веру, дабы не унывал я от многих моих прегрешений, ошибок и неудач, и во всяком затруднении надеялся на Твою помощь и вразумление. Уврачуй душевные раны учеников моих, моими грехами нанесенные. Обрати Своим Промыслом мои слабости и недостатки на пользу ученикам.*

*Подай, Боже, душевный мир и здравие родителям учеников, дедушкам и бабушкам и всем родным, утиши семейные раздоры, растопи лед непонимания и равнодушия и всех Твоею любовью просвети и согрей.*

*Научи меня, Господи, открыто и дружелюбно сотрудничать со всеми учителями и работниками школы, искренне и усердно помогая им во всяком деле, не противном моей вере и совести.*

*В случае разномыслия и несогласия с коллегами и начальниками научи меня быть спокойным и благожелательным и говорить прямо и просто, никого не обижая и не смущая. Посети, Господи, спаси и помилуй моих коллег и начальников и прими мою молитву о них (имена).*

*Научи меня быть чутким и открытым ко всему, что дарует мне наступающий день, не подменяя сегодняшнюю встречу вчерашним видением и опытом.*

*Ты, Господи Человеколюбче, Наш Наставник и Учитель, вразуми нас, просвети и на путь истинный направь.*

*Всехвальные апостолы, отцы и учителя, молитесь Бога о нас, да спасет вашими молитвами души наши. Святые равноапостольные Мефодие и Кирилле, учителя славян, молитесь Бога о нас и учениках наших. Аминь.*

**В.С.**



## Читая европейскую классику

**Я бы хотел иметь такого друга**  
Y OPI XOTEV NWETP TAKOLO DOLLA

(Книга о Благородном идалго Дон Кихоте Ламанчском)  
(KHNLA O PVALOBOVHOV NVAVPLO VON KHXOTE VAWAHICKOW)



*Эта книга была написана Мигелем де Сервантесом Сааведра. Он жил в 16 веке. Этот автор воевал на испанско-турецкой войне. Он был очень бедным, но благородным дворянином. В жизни ему пришлось пережить очень много. В образе Дон Кихота отразилась личность самого автора. Все приключения, которые случились с самим автором, он иносказательно описал в своей книге.*

*Сам Дон Кихот – очень благородный, добрый и смелый, и всем помогает в беде. Но, в то же время, ему немного « башню снесло », как сказали бы сейчас... Он воображает, что живет в Средние Века вместе с рыцарями и Прекрасными дамами, а в Европе наступила уже совсем другая эпоха-Новое время... Но чудака Дон Кихота многие любят. Например, у него есть верный друг и оруженосец Санчо Панса, который ездит на ослике по кличке Серый. Сам Дон Кихот путешествует на старенькой лошади, которую он называет « боевым скакуном », по имени Россинат. Дон Кихот очень любил читать рыцарские романы и представлял, что он сам- рыцарь... Он мечтал побороть несправедливость на земле и стремился защищать бедных и обиженных, хотя сам из-за этого постоянно попадал в разные переделки...*

*Дон Кихот был, конечно, немножко не в себе, но я бы хотел иметь такого друга, потому что он вежливый, смелый и благородный. Я думаю, что Дон Кихот был бы хорошим другом!!!*

*Ферапонт (Генри) Киричков*

## *Pip's Progress in the Society and Evolution of his Moral Values in Dickens's Novel of Biography*



Essay on Charles Dickens's Biographical Novel

### *"Great Expectations"*

*Charles Dickens is one of the first writers who develop the subgenre of the novel of biography. This type of the novel describes an important period of life of the central character, showing the formation of his personality. Great Expectations is one of such novels. In it Dickens traces the life of the main character, Pip, who, though he was born in a low-class family and is raised as a smith's apprentice, becomes a gentleman due to fortuitous help of an unknown benefactor.*

*I want to compare and contrast this character with other characters of the novel, showing in which way Pip's progress is unique and in which it is typical for the Victorian Society. Firstly, I would like to introduce and compare Pip with the characters of his own age, Estella and Herbert. I want to trace differences in their origin, social and family status, and in their expectations, as well as to investigate how overcoming difficulties in love and life forms their personalities. Secondly, I want to compare the characters of the older generation to show whether they treat Pip friendly or arrogantly and whether they show compassion to him or not.*



Pip, an orphan peasant boy, gets an invitation to a rich house to become a temporary companion for an old lady, Miss Havisham. There he meets beautiful Estella, Miss Havisham's adopted daughter, and falls in love with her. Estella, in a way, is also an orphan, for she is detached from her parents. Her life is very different from Pip's life because she lives in prosperity, but it doesn't make her happy. Pip, though he lives in a poor family, is satisfied with his social status at the beginning of the novel, and prepares to become a decent village smith. However, he feels deprived of happy childhood because his parents have passed away, and he lives with his impatient sister who treats him pitilessly. Miss Havisham, a bitter old woman, whose life virtually stopped when she was deserted by her dishonest groom on their wedding day, does not treat Estella badly: she loves her in her own eccentric way. Miss Havisham raises Estella to be a great beauty in order to break men's hearts by being cruel and hard to them, in revenge for Miss Havisham's own broken life. She tells Estella: "Break their hearts, my pride and hope, break their hearts and have no mercy" (109, Oxford UP). Miss Havisham does not treat Pip as arrogantly as Estella does, but she always makes him feel inferior in her house. She always makes the point not in

words, but by gestures and glances, that he is just a peasant boy invited as a servant and paid for his visits. When Pip discovers through his guardian, Mr. Jaggers, that it is time for him to go to London and begin his life as a gentleman, he suspects that Miss Havisham is his secret benefactor. He makes this mistake because she deceives him by her conduct, implying that he can cherish some expectations of receiving her support.



Later in the book Estella gets married to Bentley Drummle, a rich man of society. Pip despises Bentley for his brutality and dishonesty long before he finds out of his upcoming marriage with Estella. Pip worries for Estella and foretells that she will be unhappy with Drummle. He tries to persuade her not to marry anybody without loving this person, and confesses his love to her. But Estella answers that it doesn't matter to her whom she will marry, because she was raised not to love anybody. Her marriage proves to be very unhappy and she regrets it, though too late. Drummle is very harsh to Estella and brutalizes her emotionally and physically. Pip, on the contrary, always behaves as a real gentleman: he is kind, noble, and gentle-hearted. At the end Estella asks his forgiveness for all her cruelty: "But you said to me... 'God bless you, God forgive you' And if you could say that to me then, you will not hesitate to say that to me now – now, when suffering has been stronger than all other teaching, and has taught me to understand what your heart used to be" (478, Oxford UP).

Herbert, a very honest and reliable person, is Pip's best friend and closest confidant. Compared to Pip, Herbert is a fortunate child because he lives with his parents and seven brothers and sisters. Though his mother is sometimes egoistic and his father is constantly in debts, they manage to provide warmth and love of the true home to their children. Herbert's father, Mr. Pocket, becomes Pip's tutor and teaches him to be a gentleman. Herbert is born onto a gentleman's family, but this family is always lacking money. Herbert has to start working early in order to elevate his financial situation, since his father cannot provide him with money. Unlike Herbert, Pip is born in a peasant's family and would not become a gentleman, if not an unknown benefactor who suddenly

raises him in society and sends him enough money to conduct a lazy life in London. Pip, possessing a noble soul and loving his friend dearly, gives Herbert 500 pounds, his own birthday gift, which helps his friend to pay-off debts and start a new business life.



One of the people who always help Pip is Joe, his brother-in-law. He is a simple and kind-hearted blacksmith and loves Pip so dearly as if the boy were his own son. Pip in his childhood greatly admires Joe because he is much kinder to him than his own domineering sister. At the beginning, it does not matter to Pip of what social status Joe really is: either Joe is a blacksmith or a prince, it makes no difference. But once Pip starts to go to Miss Havisham's house where he hears Estella's insults that he is a "common laboring boy" with "coarse hands," which disturb and hit him hard in the heart, he becomes ashamed of himself and of Joe. He tries to explain it to himself: "what would it signify to me, being coarse and common, if nobody had told me so!" (149, Oxford UP) For the first time in his life, it makes him think about class and social status, and it changes the way of his expectations in life. As soon as he starts to realize that Joe's status matters to the world, he becomes ashamed of his best friend and protector. Once Pip receives the news that he should go to London to become a gentleman he gets even more embarrassed by his relative and very condescending towards him. Pip thinks that by getting richer and moving to the upper class society he becomes a better person than Joe. At the end of the novel, after many years that have passed of Pip and Joe not seeing each other, Pip gets very ill in London, being without money and help. Joe, hearing of his bad illness, brings Pip home to the countryside, nurses him back to health and pays off all his debts, proving to be a real friend.

Another person who plays an enormous role in Pip's life is Magwitch, a noble convict and Pip's real benefactor. Pip first meets Magwitch, at that time a dangerous convict who has escaped from a prison ship, on the marshes, where Pip lives in a cottage with his sister and Joe. Magwitch, dying of hunger, threatens to kill Pip if he does not bring him a file and food the next morning: "You get me a file...And you get me wittles...You bring 'em both to me... Or I'll have your heart and liver out!" (5, Oxford UP) In the future Magwitch does not forget Pip's generosity. Once again he escapes from prison and devotes himself to Pip by earning money and anonymously donating it to Pip through Mr. Jaggers, a London lawyer. After some years, he suddenly comes to London to see his "gentleman" and Pip learns the true identity of his benefactor.

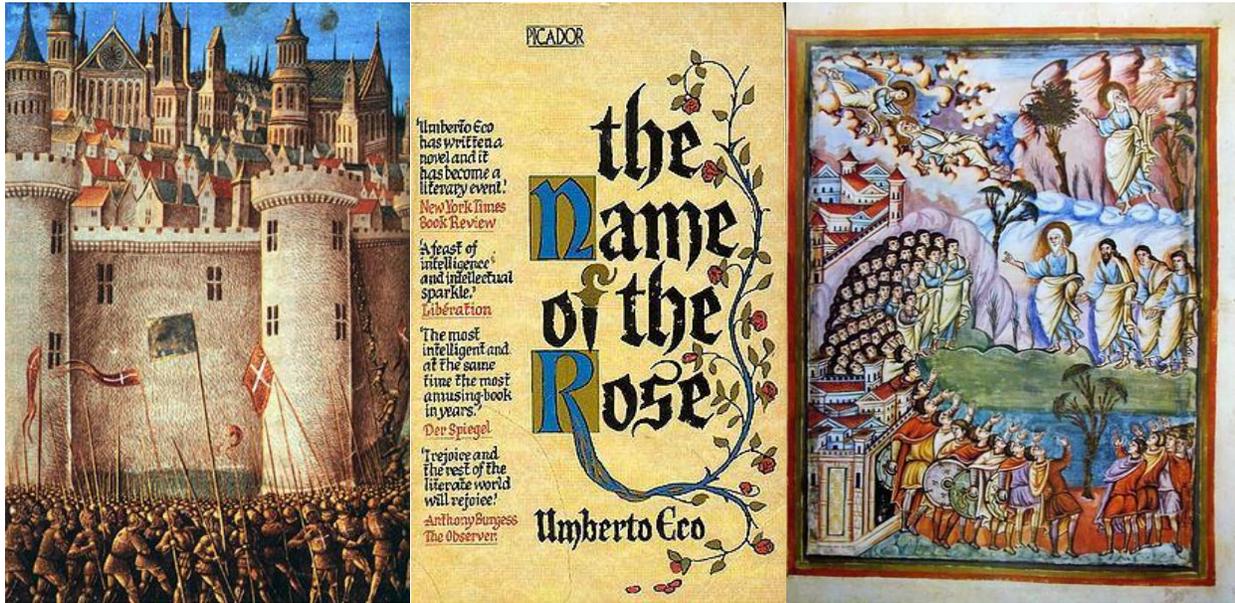


He is shocked and is ashamed of him very much, since Magwitch is not a rich lady, but a past convict and a lawbreaker. Nevertheless, after some time, Pip cools down and they become friends. Since Magwitch is a wanted man in England, Pip and Herbert try to send him to another country on a steamship, but his old enemy Compeyson points him out to the police. Staying ever a convict, he is sentenced to be hung, but he dies one day before the execution.

Herbert, Pip and Estella are born to be of different social status. Later on in their life they either improve or worsen their position in the society, depending on their own conduct, a chance and good or bad luck. We see from the novel how hard it was in a Victorian society to raise into the upper class and conclude that Pip's luck is a unique one. He would never be able to become a gentleman if not his benefactor Magwitch who went to America and made his fortune there. At the same time, it is a novel of becoming, a novel that shows how a man can form his own personality and fate. Pip rises in society through overcoming difficulties and painful experiences that he encounters in life. There are people who really love him and treat him well, like Joe, Magwitch and Herbert and there are those who humiliate him for being inferior in social status, like Miss Havisham, Estella and Drummle. This novel gives hope and inspires to be honest and kind even in the worst situations, asserting that good heart always will be rewarded and evil punished.

**A. H.**

Умберто Эко-писатель, историк,  
литератор, философ-  
о семиотической интерпретации

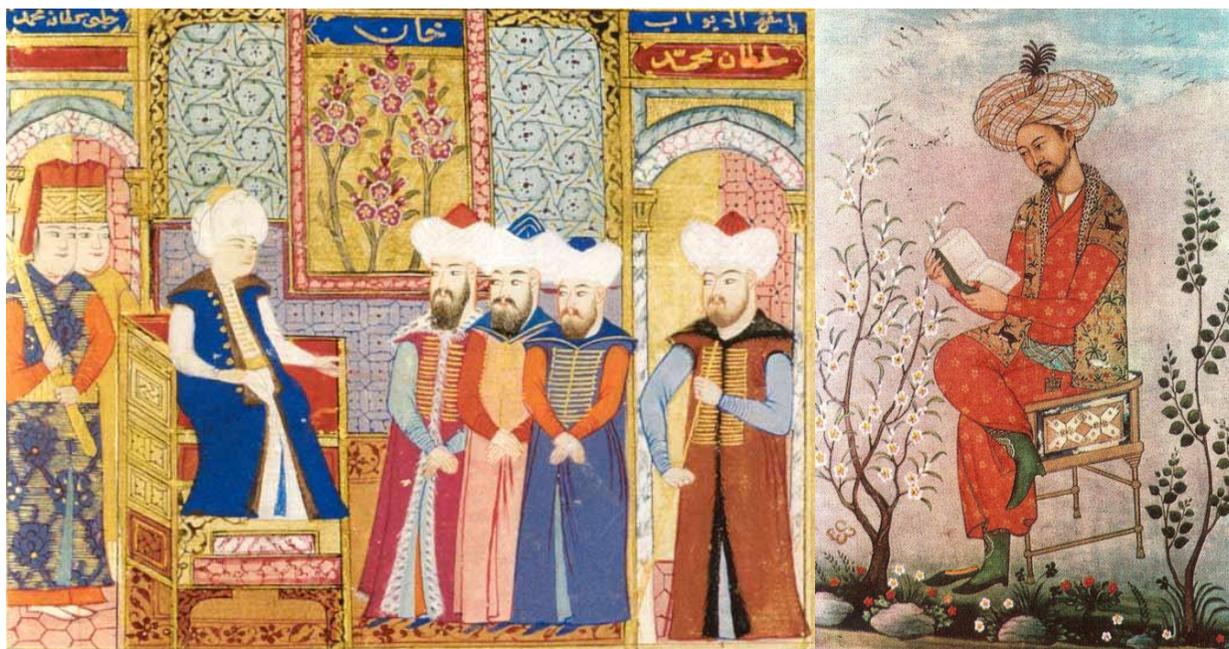


Парадоксальность мышления и способность к самым неожиданным аналогиям У.Эко (Кант, утконос, Марко Поло, средневековый Китай, единорог и "динамический объект" Пирса в одном тексте по гносеологической проблематике) чем-то напоминают капризное барокко или "логику" сюрреализма, но более всего наталкивают меня на мысль о фигуре Борхеса, призрак которого время от времени материализуется, как в *Имени розы*, и всегда подразумевается в текстах Эко. Ирония, отношение к истории, эстетизм стиля и интенсивность письма, текстуальный гедонизм делают его тексты почти неуязвимыми для критики.

Подобно известному персонажу из *Имени розы* невольно стремишься стать его *идеальным читателем*, избегая повторять чужие ошибки или впасть в заблуждения, которые автор так остроумно критикует. Одной из таких ловушек для всех его интерпретаторов является, несомненно, боязнь впасть в грех чрезмерной интерпретации. "Всякий знак является интерпретантом других знаков, и всякий интерпретант интерпретируется в свою очередь другими знаками", — согласно пирсовскому определению семиозиса.

В книге, которую Эко написал для своих студентов, *Как пишется диссертация* (1977) он отмечает, что даже первую научную работу нужно писать не просто тщательно, скрупулезно, со знанием литературы и с "научным смирением", но также и прежде всего *со вкусом* — только это может гарантировать полезность студенческой работы многие годы спустя. Образ мышления Аквината с присущими ему строгостью аргументации, ясностью изложения, логичностью и научной скрупулезностью олицетворяет вершину и, возможно, главное достижение средневековой философии. Однако "желание системы и порядка было вынесено из сферы бытия в область метода" в отличие от схоластической метафизики. Эко охарактеризовал Аквината как "революционера", "поджигателя" европейской культуры, имея в виду возвращение Аристотеля из

арабского мира в лоно европейской культуры и становление рационализма.<sup>4</sup>



Эко предлагает свою типологию "десяти маленьких Средневековий"<sup>6</sup>, отражающую как совокупность наших предрассудков и школьных знаний в отношении этого периода, так и разнообразие концептуальных моделей средневековой культуры, предложенных историками, филологами и философами, профессионально занимающимися медиэвистикой. Так, бульварная литература, восходящая к романам "плаща и шпаги" Александра Дюма, использует Средневековье как предлог или, точнее, как *мифологическую сцену*, на подмостках которой решаются судьбы современных персонажей<sup>7</sup>. Здесь прошлое не познается — в лучшем случае оно оказывается драматической декорацией. Средние века могут послужить поводом для *иронического переосмысления*, писал Эко, с тем, чтобы напомнить нам о "счастлимом" детстве или создать иллюзию дряхления нашей цивилизации. Известны также *филологическое*, "окультурное" (или *алхимическое*) и некоторые другие "Средневековья" — дело не в том, как они могут быть идентифицированы и названы, а в том, какую роль они играют в нашем коллективном воображении и реальной жизни, — считает Эко.

Эко также полагает полезным реконструировать абстрактную модель средневекового способа мышления, но интересует его не столько ментальность, диалектика соотношения личностей и масс, категории пространства и времени, которыми оперировали люди того времени, сколько те интеллектуальный опыт, логика и проблематика, которые были освоены средневековой философией и которые выявляют уникальность средневековых семиотических практик (энциклопедии, геральдика, готические соборы, литургии, алхимия, магия). При этом, как он считает, томистские *Суммы* выступали в качестве своего рода институционального кода, задающего в конечном счете определенную гомогенность средневековой культуры. Именно схоластика дала европейской культуре рациональную модель порядка как способ интерпретации и мира и текста, основные принципы которой все еще актуальны. Таким образом, "Средневековье" Эко—этоСредневековье философское *par excellence*.

В 60-х гг. Эко был уверен в том, что китч — это не искусство, а всего лишь "идеальная пища для ленивой аудитории", которая желает получать удовольствие, не прилагая к тому никаких усилий, будучи уверенной, что наслаждается подлинной репрезентацией мира, тогда как на самом деле она в состоянии воспринимать лишь "вторичную имитацию первичной власти образов"

качества, элитарность художника в авангардистском искусстве.

Проблема, однако, заключалась в том — и со временем это стало очевидно, во всяком случае для самого Эко, — что китч паразитировал на успехах авангарда, обновлялся и процветал на его творческих находках. Примирение китча с авангардом состоялось в постмодернистской культуре.



Постмодернизм учился у массовой культуры разнообразным техникам стимулирования восприятия, учитывающим различия между "интерпретативными сообществами". Она взрастила его, сформировала его язык и затем подверглась самой беспощадной критике с его стороны. Тогда Эко, вряд ли подозревая о возможности такого сложного симбиоза, разводил их по разные стороны барьера. В более поздних работах Эко обращается к анализу взаимоотношений между различными формами авангардистского искусства и их интерпретативным сообществом, а затем — к трансформации самих этих форм и соответственно отношений произведения с аудиторией в постмодернистской культуре. Эко предлагает поразмышлять над оппозицией "*повторение — инновация*" в новой культурной ситуации (отличной от той, в которой Вальтер Беньямин впервые эксплицитно сформулировал саму проблему повторения-репродуцирования как ключевую для современной эстетики), чтобы обосновать свой тезис о сближении массовой культуры с авангардным (интеллектуальным) искусством.

Классическая эстетика не стремилась к инновациям любой ценой: наоборот, она часто рассматривала как "прекрасные" добротные копии вечного образца", в то время как модернизм был с самого начала настроен на отрицание предшествующих образцов - провокационная презентация нового (и сложного для восприятия) мировидения".

Большинство романов XIX века были "повторяющимися" и "серийными" (вспомним, например, о Дюма с его мушкетерами), *Песнь о Роланде* — предполагала, что все его читатели прекрасно осведомлены о том, что приключилось с Роландом (Ариосто оставалось лишь подумать о способе наррации), то же самое можно было бы сказать о *Тристане и Изольде* — одна и та же история с небольшими вариациями излагалась различными авторами. Наконец, Шекспир с его *Гамлетом*, который представляет собой результат смешения нескольких более ранних версий той же истории. Эко полагает, что именно эта, по большому счету, *не-оригинальность* иногда являлась причиной "культовости" того или иного произведения<sup>7</sup>. Оригинальность масс-медиа заключается в том, чтобы рассказать одну и ту же историю разными способами, но эти способы отличны от тех приемов, которые использовались авторами "серийных" романов в XIX веке: мы имеем дело с различными приемами *вариаций*. Вариации историчны, и благодаря им ни одна "копия не является



на самом деле таковой — "все дело в этих маленьких отличиях", как говорил небезызвестный персонаж Квентина Тарантино.

Постмодернистская эстетика немислима также вне категорий рецепции, что в рамках постмодернистской парадигмы гораздо более важно, чем онтология художественного текста. И здесь ключевыми понятиями у Эко, становятся категории *наивного* и *критического* зрителей. Он передает функцию символического центра своему читателю-зрителю, которому приходится выбирать собственную стратегию по упорядочиванию текстуального универсума, в результате чего текст выражает его видение мира. Следует заметить, что феномен "интертекстуального диалога" развивался в свое время в экспериментальном искусстве и предполагал "образцового читателя", в культурном отношении весьма изощренного. Как показывает Эко, границы реального и вымышленного миров весьма призрачны. Когда мы сталкиваемся с какой-либо жизненной ситуацией (катастрофа или ограбление), вместо того чтобы привлечь опыт из повседневной жизни, мы заимствуем его из своей же интертекстуальной компетенции, то есть используем те "повествовательные схемы" (термин М. Риффатера), которые нам знакомы из литературы или других медиа. (Например, "ограбление поезда" — ситуация, "заигранная" благодаря вестернам, а не действиям реальных нарушителей закона.) Эко вслед за лингвистами использует понятие *фрейма* для обозначения таких культурных клише: находящийся в читательском сознании стереотип восприятия и описания того или иного предмета. Любая культурная реалья имеет свой сценарий: возможны сценарии "вечеринка", "супермаркет", что соответствует некоторым общим представлениям, но используются также и вполне определенные интертекстуальные "сценарии", о которых здесь идет речь. Эко предлагает свою классификацию "повторительного" искусства, а именно: *retake, remake, серия, saga, интертекстуальный диалог*.





Мы восхищаемся сегодня греческими трагедиями как "безусловными" образцами высокого искусства, но что если предположить, что трагедии Софокла дошли до нас благодаря каким-нибудь политическим интригам или просто как историческая случайность, в то время как многие другие шедевры уже никогда не будут нам доступны? "Если существовало больше трагедий, чем те, которые нам известны, и если все они придерживались (с теми или иными различиями) одной и той же схемы, то что произошло бы, если бы нам удалось сегодня прочитать их все до единой? Наши рассуждения об оригинальности Софокла и Эсхила остались бы прежними? Нашли бы мы у этих авторов вариации на злободневные сюжеты там, где мы смутно ощущаем уникальный и возвышенный способ обращения к проблемам человеческого существования? Возможно, там, где мы усматриваем подлинную новацию, древние греки видели лишь "корректную" вариацию на заданную тему, и то, что казалось им возвышенным, было не открытием, а воспроизведением этой схемы. Не случайно, говоря об искусстве поэзии, Аристотель особенно интересовался структурами, а к конкретным произведениям он обращался лишь за примерами".

Среди работ Эко, посвященных проблемам "апокрифической семиотики", обращает на себя внимание одно эссе, написанное еще в середине 70-х гг., которое называется *Путешествия в гиперреальности*, о котором часто пишут, что, при небольшом объеме и учитывая его давность, оно обладает прямо-таки "аномально высоким качеством". Сегодня текст Эко читается как странная смесь постмодернистской философии и рубрики путешествий из воскресной газеты, полная сардонических описаний и преувеличенных разоблачений, касающихся культурной жизни Америки. Американский ландшафт описывается им как образ поддельной истории, поддельного искусства, поддельной природы и поддельных городов, где можно встретить, например, таких культурных мутантов, как восковая фигура Моны Лизы или "реставрированная" копия Венеры Милосской с руками". Это эссе — попытка понять Америку, осмыслить опыт европейца, приезжающего на этот континент и понимающего, что привычные схемы интерпретации здесь не работают. Америка, образ которой столь привлекателен для эмигрантов, создавая и упрочивая свой мир иллюзорной реальности в архитектуре, кино, городском и парковом пространстве, тем самым воссоздает и упрочивает мифологию "земли обетованной", мифологию американской мечты.

"Гиперреальность" — это мир Абсолютной, Идеальной подделки, в котором имитации не просто репродуцируют реальность, но пытаются даже улучшить ее. Это мир, который, подобно Диснейленду, покидаешь с чувством сожаления, ибо реальность не так привлекательна и безукоризненна. Это мир, где технология может сделать реальность лучше, чем постарались природа и история. Это мир, где репродукции репродукций должны быть безупречны. Однако

мегаметафора Диснейленда — это не только пространство абсолютного иконизма, это еще и аллегория всего общества потребления, место тотальной пассивности, ибо посетители должны вести себя подобно роботам, населяющим этот парк. Это "выродившаяся утопия", осуществленный миф.



Эко подмечает, что ради типично американской навязчивой любви к *старому*, *антикварному*, к истории фальсифицированы даже сакральные документы — текст Американской Конституции и акт о продаже Манхэттена, которые должны обязательно выглядеть как "старые", однако в действительности "состаренный" акт о продаже Манхэттена в оригинале был на датском — теперь же он выставлен, естественно, на английском языке (с претензией на факсимильное издание).

Эко предлагает считать "культурным кредо" Америки лозунг: "Мы даем вам настолько великолепную репродукцию, что вы больше не захотите видеть оригинал" (неужели кому-то еще интересно видеть безрукую Венеру Милосскую?). Однако чтобы репродукция была настолько желанной, должен существовать канонический и возведенный на пьедестал оригинал — возведенный усилиями обеих цивилизаций — и по ту, и по другую стороны океана.

Долгие поиски собственной культурной идентичности, которые сегодня для Америки актуальны как никогда (достаточно вспомнить о крахе ряда антропологических концепций вроде теории "плавильного котла", которая в конце концов трансформировалась в идеологию "салатницы"), сопровождались невротическим желанием заполнить вакуум историчности, и это объясняет преклонение перед реальным (или "почти" реальным). "Мир абсолютной подделки возник как результат осознания настоящего, не имеющего глубины". По мнению Эко, это происходит потому, что за пределами музея "реальная" история отсутствует (в Европе аскетичность музейной экспозиции уравнивается ощущением истории и подлинности, которое исходит от каждого камня в мостовой старого города). Невозможно создать ощущение целостности и гармонии, когда повсюду пляжи, пальмы, гамбургеры, небоскребы и подчиняющая себе все оставшееся пространство неоновая реклама невообразимых размеров.

Иной культурный опыт заставляет нас вместе с Умберто Эко размышлять о смысле истории в более широком контексте: как обрести контакт со своим прошлым? Если прошлое

нельзя пощупать, ибо оно застыло в музейных экспонатах, то какой способ мумифицирования предпочесть? Археологическое решение представляет собой лишь один возможный путь, но существуют и другие, в том числе американская модель — амальгама поддельного и аутентичного.

При более тщательном изучении прошлого можно сделать вывод, что не только наш исторический период и не только американская цивилизация эксплуатируют эту модель. Америка не одинока, Древний Рим осуществлял ту же самую политику в отношении Греции. Можно честно признать, что нынешние отношения Европы и Америки — в политическом, идеологическом и культурном плане — напоминают ту, античную, ситуацию. И там, и здесь государство, поработившее или подчинившее себе другое, в качестве символического оправдания воссоздает его бывшее величие внутри себя, в своей идеологии, консервирует его в музеях.

Так и культурная антропология возникла в результате чувства вины, которое белый человек испытывал по отношению к угнетенным и колонизированным аборигенам всего мира: реконструируя и изучая примитивные культуры, он сейчас отдает им свой долг<sup>0</sup>. В конце концов, Греция подражала Древнему Египту, Рим копировал Грецию, христианство ассимилировало иудейскую веру, Ренессанс культивировал образцы и Древнего Рима, и Древней Греции (ибо уже в то время с аутентичностью возникли серьезные проблемы) и т. д. И только благодаря этим ассимиляциям, подделкам, копированию и подражанию у нас все еще сохраняется чувство истории (в данном случае "у нас" выглядит вполне уместно: в Восточной Европе эта тема особенно актуальна — не только из-за неизбывной ностальгии по общеевропейскому прошлому, но еще и потому, что в таких городах, как Минск, разрушенный в годы войны, связь с историей поддерживается лишь материализованным в архитектуре сталинским мифом).

Если с чувством истории у нас все в порядке, то любопытно было бы взглянуть на эту проблему с семиотической точки зрения. Эко вовсе не интересуют конкретные проблемы, постоянно возникающие (например, у искусствоведов) с атрибутированием произведений и с определением "подлинников", — существуют определенные методы подобной работы для экспертов, которые по роду своей деятельности должны отличать подделки от оригиналов. Однако проблема состоит в том, что, согласно философским основаниям этой методологии, *существует один оригинал, а все остальное — это копии*. Если разрушить эту метафизическую веру, все потеряет смысл: зачем атрибутировать нечто как "оригинальное", если оригинала, по определению, не существует? Так что, рассуждая прагматически, это было бы катастрофой для нашего культурного универсума. Однако эти доводы не запрещают нам вслед за Эко заняться семиотическими рассуждениями на досуге и поразмышлять о метафизике оригинала.





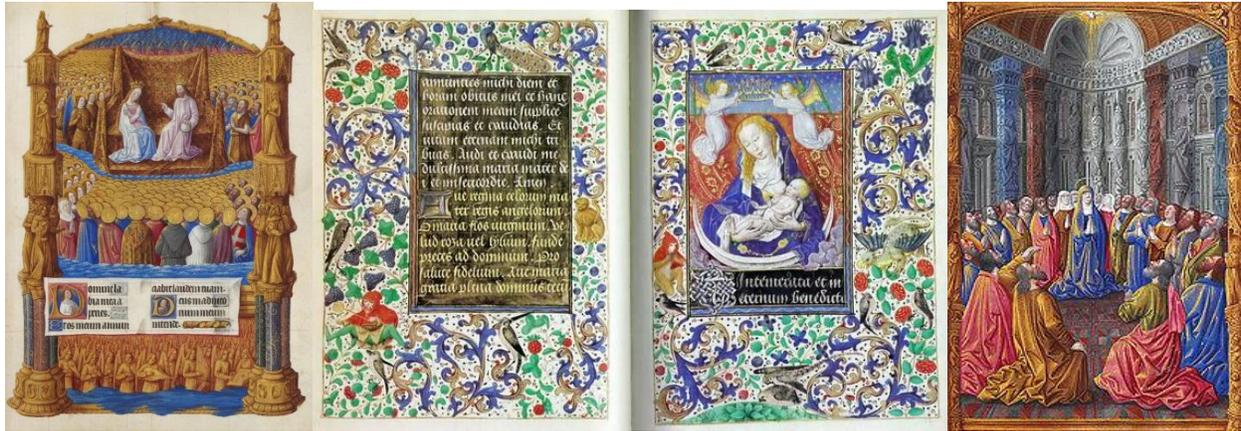
Коль скоро речь зашла о парадигме интерпретации, обуславливающей процедуру атрибутирования, то здесь краеугольным камнем является культ Автора и соответственно определенная концепция авторства. Конечной целью атрибуции все-таки является именно установление автора произведения (установление эпохи и места предвзвешивают решение этой задачи), который, согласно духу этой парадигмы, наделяется идиосинкратическим, узнаваемым "почерком", особой "идентичностью", не меняющейся с возрастом и усовершенствованием техники письма. С точки зрения психоанализа или постструктуралистских концепций подобная точка зрения выглядит очень неубедительно: неизменность авторского "Я" и целостность его стиля на протяжении всей жизни противоречат практике и современным теориям идентичности. В то же время эта ситуация может быть интерпретирована в более широком контексте: поиск абсолютных и исчерпывающих идиосинкратических деталей, позволяющих отличить копию от оригинала, почерк данного автора от его "двойника", соответствует по своему характеру и целям всем тем многовековым практикам идентификации и контроля, которые государство применяло в отношении своих граждан (это касается имени, документов, удостоверяющих личность, персональной росписи, фотографических архивов — всего того, что *не подлежит фальсификации*) — словом, всей той *системы знания-власти*, которая конституирует нашу культуру.

Подделка конкретного произведения искусства, в случае признания ее легитимности и эстетического совершенства, несет в себе огромную угрозу институту собственности и механизмам власти — вот почему она должна быть дезавуирована. Даже если мы не знаем, *как* это сделать и в чем, собственно говоря, состоит ее отличие от оригинального произведения. Мы не можем утверждать, что речь идет о двух *разных* предметах, находящихся в разных местах в одно и то же время. И никакие критерии идентичности (если оба предмета похожи, но не идентичны) не помогут определить, что является "оригиналом".

Для того чтобы дать предварительное определение подделки и копии, мы должны, по мнению Эко, обратиться к таким примитивным понятиям, как *подобие*, *сходство* и *иконичность*. Другое исходное понятие — тождество (как термин, употребляемый для определения тождества предметов, а не терминов, понятий или имен). Возникают вполне законные подозрения по поводу некоторых весьма часто используемых в философии и семиотике таких понятий, как, например, *оригинальность* и *аутентичность*, *тождество* и *различие*.

Проблема двойника кажется онтологической, но на самом деле считает Эко, это сугубо прагматическая проблема. Именно пользователь дает определение, согласно которому два предмета считаются "объективно" подобными друг другу и, следовательно, взаимозаменяемыми. Распознавание двойников — это прагматическая проблема, ибо зависит от культурных допущений.





Итак, если копия не является знаком, то оригинал, для того чтобы его можно было сравнить с копией, должен быть интерпретирован как знак. "Ложная идентификация — это семиозисная паутина непониманий и намеренной лжи, тогда как попытка установления аутентичности представляет собой типичный случай семиотической интерпретации, или *абдукции*. Августин, Абельяр, Аквинат уже имели дело с проблемой определения достоверности — достоверности текста и исходили при этом из его лингвистических характеристик. Сегодня, решая подобные задачи, мы исходим из самых разнообразных палеографических, грамматических, иконографических и стилистических критериев, опираясь на наш культурный багаж. Стало быть, мы ищем доказательства, прибегая к анализу формы выражения, содержания, к внешним свидетельствам (референту). По мнению Эко, все критерии по установлению достоверности или подделки оригинала совпадают с критериями для определения аутентичности.

*Елизавета Игоревна Соседова*



# Удивительный мир природы





## Попугай Жако

*Это- попугай. Его зовут Жако. Он толстый, большой и красивый. Перышки у него синие и зеленые. А хвост у него красный. Жако- умный и храбрый. Но иногда он –противный и вредный. Обычно он вредничает, когда голоден.*

*Саша Козьмин*





## Друг-олень.

*У меня есть друг-олень. Он живет в парке. Его зовут Вася. Он очень добрый. Я люблю с ним играть. Он еще маленький, но у него есть рога. Он любит бегать и прыгать. Он-коричневый, с белыми пятнышками. К него есть мама и папа.*

*Глаша Тирская*





## Рак, которого я поймал и отпустил...

*Это было два года назад. Я и мои родители ездили в Виннипег к родственникам. Мы пошли на рыбалку. Там я поймал рака!!! Он был большой и красный!!! Я отпустил его назад в озеро. В Канаде люди очень берегут природу!*

**Саша Страдерс**  
Саша Страдерс





*Горная лиса.*  
*Горная лиса*

*Моя лиса живет в лесу в горах. Она охотится за мышами и птицами, если поймает. Она – дикое животное и очень кусачая...У лисы есть пушистый хвост. Глаза-черные, как мрачная ночь! Зубы- как серебристые кинжалы! Мне очень нравится это животное!*

*Саша Козьмин*  
*Саша Козьмин*





## Мой пушистый друг.

*Это мой котенок. Его зовут Рыжик. Он любит кататься на роликах и играть в догонялки. Он любит пить молоко. А когда меня нет дома, он сидит на окошке и ждет меня. Он скучает. Когда он видит меня в окошке, он бежит ко мне навстречу и весело машет мне своим рыжим пушистым хвостом. Рыжику нравится гулять на улице. Там он гоняет птиц и мышей или играет с другими котятами. Я очень рад, что у меня есть котенок!*

*Леня Дегтярев*





## *Радужный дождь*

*Дождик серыми каплями вымочил всё,  
Превративши всю землю в мочало...  
Я поставлю ведёрки, наполню дождём-  
Только думаю: этого мало!*

*Подожду, когда солнце прорвёт облака  
И впитается радугой в воду!  
Занесу эту радугу в трелях дождя  
Я в свой дом- и поставлю к порогу...*

*Если тусклая вдруг постучится Хандра  
С хромоножкой-Уныньем, сестричкой,  
Улыбнётся им радужный дождь из ведра  
И поможет тот час исцелиться!*

*Елена Корченко*



Я люблю рисовать  
и люблю рисовать



**АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ. РАБОТА ЕЛЕНА КОРЧЕНКО.**



*Цветы. Автор - Ирина Кутайцева.*



*Жар-птица. Автор- Варя Куликова.*



# Путешествия



## ПАРУС.

*ПРИВЕТ,*

*Я - САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ БЕЛЫЙ ЛИСТ БУМАГИ. ТОТ САМЫЙ ЛИСТ, КОТОРЫЙ МОГ БЫ ОЧУТИТЬСЯ У ВАС НА СТОЛЕ, ИЛИ БЫТЬ СТРАНИЦЕЙ В КНИГЕ, КОТОРУЮ ВЫ СЕЙЧАС ЧИТАЕТЕ, НО Я ВСЕ ЕЩЕ ЛЕЖУ В СТОПКЕ ТАКИХ ЖЕ ОДИНАКОВЫХ БЕЛЫХ ЛИСТОВ.*

*ЛЕЖАТЬ В СТОПКЕ ОЧЕНЬ ТЕСНО И СКУЧНО. И ПОЭТОМУ Я С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ, КОГДА НА МНЕ ЧТО-НИБУДЬ НАПИШУТ ИЛИ НАРИСУЮТ.*

*АХ! КАК БЫ Я ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ЭТО БЫЛ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЙ РАССКАЗ ИЛИ КРАСИВЫЙ РИСУНОК! МЕНЯ БЫ ТОГДА МНОГО РАЗ РАССМАТРИВАЛИ ИЛИ ЧИТАЛИ, ПЕРЕКЛАДЫВАЯ С МЕСТА НА МЕСТО, И Я БЫ НЕ БОЯЛСЯ БЫТЬ СМЯТЫМ И ВЫБРОШЕННЫМ В КОРЗИНУ ДЛЯ МУСОРА.*

*СЕГОДНЯ Я НЕМНОГО ВОЛНУЮСЬ, ПОТОМУ ЧТО Я ЛЕЖУ В СТОПКЕ НА САМОМ САМОМ ВЕРХУ И ЖДУ, КОГДА ЗА МНОЙ, С МИНУТЫ НА МИНУТУ, ПРОТЯНЕТСЯ РУКА.*

*НО РУКА ВДРУГ ПОТЯНУЛАСЬ ЗА МОИМ СОСЕДОМ – НЕБОЛЬШИМ ПЕРОЧИНЫМ НОЖОМ, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ГРЕТЬ СВОИ ПУЗАТЫЕ БОКА ПОД НАСТОЛЬНОЙ ЛАМПОЙ. А ДРУГАЯ РУКА НЕОЖИДАННО ПОЛОЖИЛА НА СТОЛ МАЛЕНЬКУЮ ДОЩЕЧКУ. И МНЕ СТАЛО ТАК*



*ИНТЕРЕСНО, ЧТО Я ДАЖЕ НЕМНОГО ПРИПОДНЯЛ СВОИ КРАЯ, ЧТОБЫ ЛУЧШЕ РАССМОТРЕТЬ, ЧТО ЖЕ ЗАДУМАЛИ СЕГОДНЯ ЭТИ ВЕЧНО ЗАНЯТЫЕ РУКИ.*

*А РУКИ СТАЛИ ВЫРЕЗАТЬ ЧТО-ТО ИЗ ЭТОЙ МАЛЕНЬКОЙ ДОЩЕЧКИ, И Я ВЕСЬ ПОКРЫЛСЯ ПРИЯТНО ПАХНУВШЕЙ ДРЕВЕСНОЙ СТРУЖКОЙ.*

*Я ВДУРГ СТАЛ ЗАМЕЧАТЬ, ЧТО С КАЖДЫМ СРЕЗОМ ПЕРОЧИНОГО НОЖА ДОЩЕЧКА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛИК, ОЧЕНЬ ПОХОЖИЙ НА КОРАБЛИК НАРИСОВАННЫЙ НА КАРТИНЕ, КОТОРАЯ ВИСИТ НА СТЕНЕ НАПРОТИВ. ЗАТЕМ РУКИ ПРОДЕЛАЛИ НЕБОЛЬШУЮ ДЫРОЧКУ В СЕРЕДИНЕ КОРАБЛИКА И ВСТАВИЛИ В НЕЁ ПАЛОЧКУ- ПОЛУЧИЛАСЬ МАЧТА.*

*И АХ!!! РУКА ПРОТЯНУЛАСЬ И ВЗЯЛА... МЕНЯ С МОЕГО МЕСТА. Я ВЕСЬ ЗАТРЕПЕТАЛ ОТ ВОЛНЕНИЯ! НО РУКИ, ОСТОРОЖНО СМАХНУЛИ С МЕНЯ СТРУЖКУ, И ПРОДЕЛАЛИ ВО МНЕ ДВЕ ОЧЕНЬ АККУРАТНЫЕ ДЫРОЧКИ - ОДНУ ВВЕРХУ И ОДНУ ВНИЗУ. ЗАТЕМ МЕНЯ ОСТОРОЖНО ВЗЯЛИ И ОДЕЛИ НА МАЧТУ.*

*Я НЕ ВЕРИЛ СВОИМ ГЛАЗАМ! ЭТИ ТЁПЛЫЕ РУКИ СДЕЛАЛИ ИЗ МЕНЯ ПАРУС! Я - ПАРУС! КАКОЙ ВОСТОРГ! О ТАКОМ СЧАСТЬЕ Я И НЕ МЕЧТАЛ! ЭТО ДАЖЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ БЫТЬ САМЫМ КРАСИВЫМ РИСУНКОМ ИЛИ ХОРОШИМ РАССКАЗОМ. Я - ПАРУС! Я ГОТОВ ПРИНЯТЬ В СЕБЯ ВЕТЕР И НЕСТИ НАШ КОРАБЛИК ПО ЛУЖАМ И РУЧЕЙКАМ СКВОЗЬ БУРИ И ШТОРМА!*

*РУКИ БЕРЕЖНО ВЗЯЛИ НАС С КОРАБЛИКОМ И ОСТОРОЖНО КУДА-ТО ПОНЕСЛИ. СКРИПНУЛА ВХОДНАЯ ДВЕРЬ И... Я ЗАМЕР ОТ ВОСТОРГА. КАКОЕ ЯРКОЕ СОЛНЦЕ И СИНЕЕ НЕБО! НАС НЕСЛИ И НЕСЛИ КУДА ТО, ПОКА МЫ НЕ ОКАЗАЛИСЬ НА БЕРЕГУ ПРУДА.*



*И ВОТ, НАКОНЕЦ, НАСТУПИЛО ДОЛГОЖДАННОЕ ЧУДО!  
КОРАБЛИК БЫЛ ПОЛОЖЕН НА ВОДУ И ЛЕГКО ПОКАЧИВАЛСЯ НА НЕБОЛЬШИХ ВОЛНАХ. И Я,  
НЕДАВНО ЛЕЖАВШИЙ ОБЫЧНЫМ ЛИСТКОМ НА СТОЛЕ, ТЕПЕРЬ СТАЛ ПАРУСОМ. И ВЕТЕРОК  
НАДУВАЕТ МЕНЯ И Я НЕСУ НАШ КОРАБЛИК НАВСТРЕЧУ ПРИКЛЮЧЕНИЯМ!*

*МЫ ОТПЛЫВАЛИ ОТ БЕРЕГА ВСЁ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ. Я БЫЛ ТАК РАД НАШЕМУ  
ПЛАВАНИЮ, ЧТО НЕ ЗАМЕТИЛ, КАК СОЛНЦЕ СКРЫЛОСЬ ЗА ТУЧИ, А ВЕТЕР ВСЁ СИЛЬНЕЕ  
НАДУВАЕТ МЕНЯ. И ВОЛНЫ ИЗ МАЛЕНЬКИХ ПРЕВРАТИЛИСЬ В БОЛЬШИЕ И ЛОХМАТЫЕ.*

*ВЕТЕР ВСЁ КРЕПЧАЛ. МНЕ СТАЛО ЯСНО, ЧТО МЫ ПОПАЛИ В ЖЕСТОКИЙ ШТОРМ. НАС  
НЕСЛО ВПЕРЕД. ВЕТЕР СРЫВАЛ МЕНЯ С МАЧТЫ, НО Я ДЕРЖАЛСЯ ЗА НЕЁ ИЗО ВСЕХ СИЛ. МИМО  
НАС ПРОНОСИЛИСЬ СОРВАННЫЕ С ДЕРЕВЬЕВ ЛИСТЬЯ И НЕБОЛЬШИЕ ВЕТОЧКИ. КАЗАЛОСЬ,  
ЧТО НАС С КОРАБЛИКОМ УЖЕ НИЧТО НЕ СПАСЁТ. И КОГДА МЫ УЖЕ ОТЧАЯЛИСЬ, УДАЧА  
УЛЫБНУЛАСЬ НАМ. Я УВИДЕЛ ВПЕРЕДИ ДРУГОЙ БЕРЕГ И ЗНАКОМЫЕ РУКИ, ОПУЩЕННЫЕ В  
ВОДУ, ЧТО БЫ НАС ПОДХВАТИТЬ.*

*НО ДО ЭТИХ СПАСИТЕЛЬНЫХ РУК БЫЛО ЕЩЁ ОГРОМНОЕ РАССТОЯНИЕ. ЦЕЛЫХ ДВА  
МЕТРА!!! Я ТОЛКАЛ КОРАБЛИК ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ. ВЕТЕР ТРЕПАЛ МЕНЯ, ЧТО ЕСТЬ МОЧИ, И Я  
БОЯЛСЯ, ЧТО ОН МЕНЯ РАЗОРВЁТ. ЕЩЁ ЧУТЬ-ЧУТЬ!!! И ВОТ, НАКОНЕЦ, СПАСЕНИЕ.  
ДОЛГОЖДАННЫЕ РУКИ. ОНИ БЕРЕЖНО ВЗЯЛИ НАС С КОРАБЛИКОМ И ОСТОРОЖНО ПОНЕСЛИ  
ОБРАТНО В ДОМ.*

*ПРОШЛИ ДНИ И НЕДЕЛИ. МЫ С КОРАБЛИКОМ СТОИМ НА НЕБОЛЬШОЙ ПОДСТАВКЕ НА  
ТОМ ЖЕ СТОЛЕ. ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ Я ВСПОМИНАЮ НАШЕ ОПАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, А ИНОГДА  
РАССКАЗЫВАЮ О НЁМ ДРУГИМ ЛИСТКАМ БУМАГИ, ЛЕЖАЩИМ ВОКРУГ НАС НА СТОЛЕ. И ОНИ  
СМОТРЯТ НА МЕНЯ С УВАЖЕНИЕМ, ВЕДЬ ДАЛЕКО НЕ КАЖДОМУ ПРОСТОМУ ЛИСТКУ УДАЁТСЯ  
СТАТЬ ПАРУСОМ.*

*о. Святослав (Дубаненко)*



## *Каким бывает море?*

*Посвящается памяти смелых командоров-мореплавателей  
и светлой памяти моих родителей*



*Море бывает разным-  
Зеленым и голубым;  
Бывает грозно-прекрасным,  
Бывает вовсе седым...*

*Море бывает косматым,  
С молниями до небес,  
Бывает прозрачным, волшебным,  
Полным подводных чудес...*



*Море бывает дельфинным,  
Ракушечным, игровым,  
Или тюленьим, рыбьим,  
Коралловым, золотым.*



*Море бывает пиратским,*

*Страшным бывает порой,*

*Ласковым и прекрасным*

*Утреннюю зарей.*

*Море бывает жемчужным  
В тихий полуденный час,  
Жарким и знойным, песочным-  
Когда крик чаек угас...*

*Иль пеликаным, крылатым,  
Муссонным морем вблизи,  
Иль ветровым, альбатросым,  
Несущим вдаль корабли...*





*Море бывает испанским,  
Кортесовым морем побед,  
Иль майя плясками разными  
С какосами на обед.*

*И море еще апельсинным  
Тоже ведь может быть,  
Именинным морем дивным,  
Чтоб под парусом в память уплыть.*





*Море-воспоминанье,  
Море-ушедших круг,  
Или кольцо горя,  
скользящее с пальца вдруг.*

*И море, конечно, Божье,  
Его над людьми Благодать.  
Рассвета в пурпур дорожка-  
Как, Море, тебя понять?*

*Море бывает звездным,  
Как дальних миров глас-  
О вечности плещет грозно  
В глухой полночный час...*



*О моряках, которым  
Не страшны были валы-  
Они на подвиг спешили,  
Оставив пустые балы.*

*Что двигало ими-  
Отвага, иль родовая честь,  
Пустая ли тяга славы-  
Потомки как могут учесть?*

*Однако, о них мы помним-  
О всех ушедших в года  
Живут легенды и песни  
О командорах всегда!*



И след на пеке остается-  
Неправда, что смывает волной!  
И мальчик здумался крепко  
Над дивной чьей-то судьбой.



Море-стеклянные бусы,  
Платье в цветах,обед  
В джунглях до полуночи,  
Пляски, костра привет.



И море-это камни  
Цивилизаций иных,  
Сокровищ затонувших-  
Богатство умов пустых.



И море еще-песня,  
Она над волнами летит,  
Или молитвы чудесной  
Камень морской-лазурит.



Море-стихия, море-  
Враг и море-друг...  
И Богородицы облик  
дивный сияет вдруг



Над морем-Она приходит  
К людям по небесам,  
Ступив по водам бесшумно,  
Неся Благодать сердцам...

*И испанских слов слог высокий*

*С молитой на русском слит-*

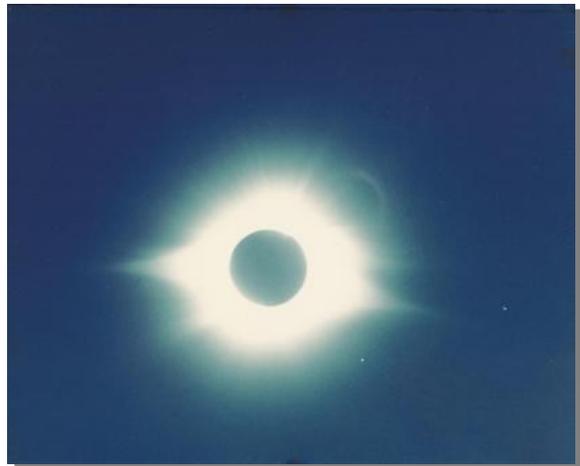
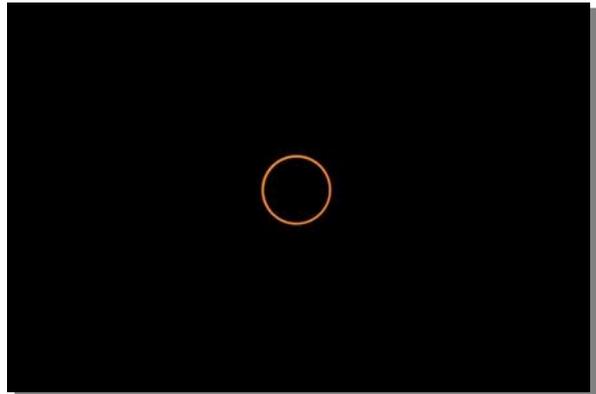
*Об одной любви Предвечной,*

*О Божественной Правде звенит...*

О.В. Киричкова

## **АСТРОНОМИЯ И ГЕОГРАФИЯ**

*Меня зовут Джефф. Я люблю астрономию. Я люблю сидеть ночью и смотреть на звезды. У меня есть телескоп. Я люблю смотреть на луну, планеты и звезды в телескоп. Я путешествовал, чтобы увидеть затмение солнца. Я видел пять: два в Африке, одно в Мексике, одно в Перу, одно в США. Я люблю смотреть на Луну в телескоп: её горы и кратеры красивые. Юпитер имеет четыре луны. У Сатурна есть красивые кольца.*



*А еще я люблю путешествовать.*

*Я побывал в двадцати семи странах на семи континентах.*

*В Австралии мне понравились кенгуру. А еще я люблю океан. В Непале мне нравятся горы. Они большие и красивые. В Ливии мне нравится пустыня. В Египте мне нравятся пирамиды и храмы. В Англии мне нравится все, что связано с её историей- её музеи, дворцы и замки.*

*Россия очень красивая. Там есть много, что бы хотелось увидеть и чем заняться. Русский- очень трудный язык.*

*Джефф Замбори*



# Моя семья

## Маленькие счастья.



Осенний лист упал в лужу и замер на зыбкой воде. Я присела на корточки и стала смотреть на него. Затем я слегка дунула на лист и он плавно поплыл. В луже отражались облака и мне казалось, что яркий желтый лист плывёт по небу. Это было так красиво, что я тут же решила - это будет ещё одним моим счастьем.

У меня уже много разных счастлих. Наверное пять или даже семь. У нас в доме живёт маленький попугай. Он живет в клетке, но дверца в ней всегда открыта. И когда мы утром садимся завтракать, он обязательно вылетает из клетки и садится ко мне на плечо. Он так быстро перебирает лапками на моём плече, что я вся ёжусь от щекотки. А когда он осторожно своим клювом кусает меня за ухо, то я не выдерживаю и смеюсь.

А ещё, если иногда бывает скучно, то можно вместе с моей любимой куклой досчитать до ста...и с работы придёт папа. Только сначала надо спросить у мамы, когда можно начинать считать. Когда папа приходит с работы, скучно уже ни кому не бывает. Он с порога начинает громко звать меня по имени и я бегу наперегонки с нашим маленьким спаниэлем к двери и большие папины руки подхватывают меня. Я прижимаюсь к папиной щеке и он всегда говорит, что я стала ещё красивее.

А ещё.....Ой! Пока я вам рассказывала о своих счастьях, я совсем забыла о своём новом счастье!

Я побежала в дом и позвала маму посмотреть на моё новое счастье. В луже так же отражались облака. И мы с мамой стояли и смотрели, как осенний лист тихо плывёт по воде, будто- бы по небу. Мама улыбалась. А мамина улыбка- это моё главное счастье.

**о.Святослав(Дубаненко)**



## Сочинение о папе

(Посвящается папиному 70-летию)

Елена Артуровна Теличева



*О том, что папа мой- человек особенный, я в детстве как-то не задумывалась. Наверное, просто некогда было. Жизнь неслась весело и легко. Я бы сказала, вприпрыжку... События, люди мелькали,менялись, как узоры из цветных стёклышек в моём любимом калейдоскопе... Как давно это было! Но что удивительно, закрываешь глаза, и картинки прошлого вдруг оживают...*





*...Воскресное декабрьское утро. Папа вынимает из кладовки коробки и коробочки и начинается. Праздник. Дня этого я ждала целый год и вот, наконец, он пришёл! Размотка, раскладка, проверка гирлянд... И вот он торжественный момент: ёлочка вспыхивает! Можно зажмурить глаза, и тогда огоньки превратятся в звёздочки. Можно крутить головой и звёздочки закружатся и сольются в Новогодний фейерверк...*

*За свою жизнь я повидала много праздничных иллюминаций в разных странах мира, но ёлочка эта-вне конкуренции. Вот и сейчас издалёка-далека подмигивает она мне своими разноцветными лампочками и на душе становится так тепло и хорошо...*

*...Зимний вечер. Мы с папой гуляем по улице Куйбышева. Из открытой форточки несётся "Арлекино." Я ещё не слышала этой песни. Папа слышал и говорит мне:-Это молодая певица, Пугачёва. Голосище-будь здоров! Послушай, она сейчас смеяться начнёт... И Пугачёва начинает смеяться, а вместе с ней и мы. Тихо падает снег. За окнами сверкают ёлки. Скоро Новый год.*



...Мы с папой играем во дворе в бадминтон. Летние сумерки. Воланчика уже почти не видно. Папа считает и всё время что-то смешное приговаривает. От смеха и усталости еле держусь на ногах.



Шестьдесят семь, шестьдесят восемь...

-Папа, я больше не могу!!!

-Ну давай ещё разочек... И ещё один разочек... И ещё последний разочек...

-Не могу-у-у!!!

-И ещё совсем последний разочек...И теперь точно уж совсем последний разочек!

Спотыкаюсь, ракетка выскальзывает из рук. От хохота валюсь на землю...

Много лет спустя картина повторяется. На воротах, вернее, в воротах лежит Иван, от смеха будучи не в силах провести достойную защиту ворот. Дед Артур выписывает "крендели" перед воротами, норовя "вот-вот" забить гол и что-то по обыкновению своему приговаривая. Внук молит о пощаде, но всё бесполезно. Дед не унимается... После матча внук сообщает:

-Дед, ты хоть знаешь, что я от смеха в штану надул?

*...Поздний субботний вечер. Мы с папой едем из бассейна на пустой дребезжащей "двойке". Я почти сплю. Выходим на площади и медленно бредём по пустынному городу. Папа рассказывает что-то из своей альпинистской молодости. Падает снег. Город спит...*

*...Пробежка в лесу. Папа бежит впереди, я сзади. Устала, пыхчу, смотрю под ноги и вдруг... Налетаю на лося! От неожиданности вскрикиваю, в ускоренном темпе (откуда только силы взялись?) бросаюсь в сторону и натываюсь взглядом на папино смеющееся лицо. Он, оказывается, давно притаился в кустах, ожидая моей реакции на это чудо лесное. Ну и шуточки у Вас, сударь!*



*...Один из предновогодних вечеров. Я "секретно" приехала домой из Горького, задумав такой "новогодний сюрприз" для родителей. Крадусь по улице Куйбышева, вот уже поравнялась с нашими окнами... Только бы никто не заметил! И вдруг... Занавески распахиваются, папа тянется к форточке и замирает, увидев меня...Немая сцена длится секунду..."Тихо!" - показываю я, прижав палец к губам. Папа, сдержав радостный крик, уже хитренько улыбается и кивает головой: мол, всё понял... Дальше вбегаю в подъезд, дверь в квартиру уже заблаговременно открыта, на пороге-улыбающийся папа показывает мне: "Тихо! Заходи!" Захожу в комнату и усаживаюсь в кресло перед телевизором. Мама чем-то гремит на кухне, продолжая разговаривать с папой и, не дождавшись папиного ответа, решительно входит в комнату... Стоит ли говорить, что ради этих минут стоит жить?*

*...Летний вечер. Папа пришёл с работы, выглядит устало.*

*-Как ты?*

*-Да вроде ничего. А ты?*

*-А я что-то не очень. Не доспал, наверное.*



Не доспал-это мягко сказано. Полночи "забавлять" орущего внука радиоприборами с тумблерами и кнопками (стоит ли удивляться, что внук стал звукооператором); объяснять милиционеру, вызванному соседями, почему у нас уже два часа непрерывно орёт ребёнок (да вы знаете, дочка приехала, внук беспокойный), в два часа ночи принять радикальное решение вывезти его на улицу засыпать (помню, как по пустому, тёмному двору разносились вопли), а в 5 утра-будильник. Пора на работу.

*...Воскресенье. Зимний лес. Мороз и солнце. Мчимся с папой на лыжах. Мне в очередной раз не разрешили посмотреть "Утреннюю почту" (ничего трать такой день на всякую ерунду), я в очередной раз страшно обиделась и поплелась за папой в лес. А теперь уже ни о чём и не жалею. Снег искрится, берёзы мелькают, воздух такой вкусный, что не надышишься... А впереди маячок- папина вязаная шапочка...*



*...Мы в лесу. Собираем грибы. Аукаемся. Пахнет самым моим любимым: влажным лесом и грибами. Слышу папин голос:*

*-Лен, иди, дарю!*

*Пробираюсь сквозь ветки. Папа улыбается, показывая ножиком в глубину кустов и добавляет:*

*-Посвящается любимой старшей дочери!*

*Надо мхом возвышается крепкая шляпка чудного белого гриба. Вообще-то, все белые грибы папа обычно посвящает маме, но в этот раз для меня ,как для гостя, сделано исключение. Как приятно!*

*...Приёмная комиссия архитектурного факультета. Я привела родителей показать институт, куда подала документы. На стендах-образцы работ по рисунку и композиции: от "пятёрочной" до "двоячной". Папа медленно движется вдоль ряда работ, рассматривая их. Потом останавливается около последней и говорит:*

*-Хорошая работа.*

*Взгляд его ползёт вниз и натывается на "двойку". Папа приходит в сильное возбуждение, что с ним случается довольно редко.*

*-Слушай, не может быть! Это ошибка! Надо разобраться!*

*-Папа, мы не будем разбираться, я тебе всё объясню на улице. Пойдём! Папа не унимается:*

*-Ёлки зелёные, да работа же хорошая! Как же это может быть "двойка"?! Да она лучше "пятёрочной"! Нет, мне просто интересно, что они скажут! Пойдём поговорим!*

*-Папа, нам на выход!!!*



*Недавно мне довелось побывать в музее современного искусства. Там в полутёмном зале была композиция из зонтиков, открывающихся и закрывающихся под душераздирающую музыку; кровать, на которой поднималось и опускалось одеяло; жуткие картины, от которых хотелось немедленно отвести взгляд... По-моему, та "двоячная" гипсовая голова Апполона имела гораздо большее отношение к искусству, чем все эти ужасы. Да и могут ли быть, вообще, жёсткие критерии в искусстве? И чем это, интересно, мнение папы хуже чьего-то ещё мнения?*

*...Что в детстве я любила делать с папой ещё-так это печатать фотографии. Процесс этот и по сию пору остаётся для меня загадкой. Был он в моих глазах не просто сложным, а архисложным. Сравниться он мог только, разве, с закатыванием огурцов.*

*Всё, как всегда, начиналось с вынимания коробок из кладовки. Теперь мне уже ясно, что все самые ценные вещи в нашей семье, включая мой любимый вишнёвый компот, хранились именно там. Не возьмусь доподлинно припомнить всё оборудование, ибо слаба в физике, но что-то всплывает в памяти. Например, красная лампа, придающая всему процессу таинственность, ванночки с проявителем и закрепителем, в которых мне доверялось болтать фотографии, держа их кончиком пинцета... Процесс печатанья сулил ещё и позднее укладывание, что воспринималось в ту пору, как великое благо.*

*Изображения на фотобумаге появлялись, как в сказке, а уж сказки и чудеса я любила больше всего! Папа был Мастером, Сказочником, руководил всем этим процессом, говорил всякие умные слова (Давай попробуем другую выдержку! Что-то зернистость мне не нравится!) Я же, будучи мелким подмастерьем, с интересом во всё вникала, но доверялось мне только болтать пинцетом в ванночках. Утром была просушка, глянцевание и обрезание краешков фотографий каким-то хрюпающим устройством. Кстати говоря, больше никогда и ни у кого в жизни я не видела таких ажурно-обрезанных снимков. А чёрно-белые фотографии до сих пор остаются моими самыми любимыми...*



*...Помню папу в юности. Да ещё в какой! Я напросилась с ним на рыбалку. Взять меня папа согласился только при одном условии: я должна остаться в машине, так как место-тихое, заповедное, рыбачить приезжают "серьёзные" люди. А я-человек ненадёжный. Почему-то.*

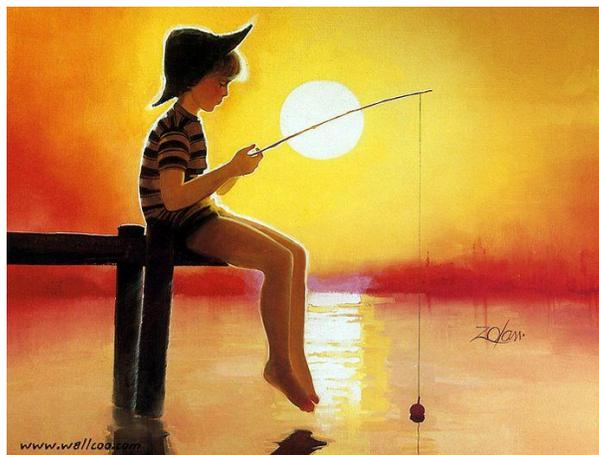
*Скоротав часок в душной машине с книгой об инспекторе Лосеве, я пришла к выводу, что жизнь моя беспросветна, и отправилась к папе. Тишину на озере нарушало только комаринное жужжание. Озеро по берегу заросло кустами, и среди зелени то там, то здесь, выглядывали фигуры "серьёзных" рыбаков. Не помню про всё озеро, но в "папином" месте берег был довольно крутым. Я взмолила о пощаде, и папа, добрая душа, выдал мне удочку.*



Забросить её по-человечески мне всё никак не удавалось: крючок с червяком каждый раз шлёпался то у самого берега, то мне под ноги. Тогда я решила сменить тактику и, как-то особо хитроумно прокрутив удочкой над головой, с невероятной силой метнула её вперёд, вложив в этот бросок все имеющиеся у меня силы...Дальше всё помню, как в тумане: я сижу в воде, надрываясь от хохота, бедный папа мечется по берегу с перекошенным от ярости лицом и шёпотом "кричит" мне:

- Ёлки зелёные!! Ведь знал, что так всё получится!! Уйди отсюда!! Уйди, чтобы глаза мои тебя не видели!!

Папа, прости меня, если сможешь!





*...Ещё помню, что до такого же состояния папу однажды довёл наш кот. Мы вдвоём делали ремонт на Куйбышева. Кот же, со своей стороны, делал всё возможное, чтобы ремонт этот никогда не закончился. Его выдумке и изобретательности не было предела. Мы, как могли, противостояли этому. И вот, наконец, торжественный момент: папа докрашивает пол в коридоре, а я, стоя в подъезде, пакую строительный мусор, чтобы отнести его на мусорку. Тут с улицы в подъезд вбегает наш кот и, потоптавшись по извёстке, со свистом проносится через всю квартиру в дальнюю комнату, оставляя на свежей краске ярко-белые следы...*

*Скажу честно, я испугалась за него, когда папа, извергая проклятия, побежал его ловить....Последующие события помню плохо, но, вероятно, всё как-то обошлось, потому что следующий эпизод, всплывающий в памяти, такой: мы с папой усталые и не очень чистые бредём в ресторан "Колокол" обедать. Около "Хлебного" я обернулась посмотреть, не бежит ли за нами кот, и увидела два ряда белых следов на асфальте: больших и поменьше, тянущихся за нами от самого подъезда...*



*...Поздняя ночь. Папа тихо входит в комнату, подходит к внукам, укрывает их. Потом подходит ко мне, поправляет одеяло и так же тихо выходит...Этот папин ночной обход неизменен всю мою жизнь. И так приятно опять погрузиться в сон с мыслью, что о тебе заботятся и опять ощутить себя маленькой девочкой...*

*...Вечер. Внуки, наконец, отмыты и уложены спать. Наконец-то, можно немножко перевести дух...Выхожу из маленькой комнаты. На пороге кухни- улыбающийся папа:*

*-Лена, ты приглашаешься на вечернюю диету!*

*Захожу в кухню и лицо моё расплывается в блаженной улыбке. Оказывается, пока я занималась "укладкой", папа даром времени не терял. На столе, прямо на разделочной доске разложены кусочки ржаного хлеба, копчёного сала, колбаски...Заседание клуба любителей копчёно-колбасной продукции объявляется открытым! Через некоторое время наша задушевно-застольная беседа прерывается маминной коронной фразой:*

*-Бессо-о-вестные! Артур, как же тебе не стыдно!*

***...Такие вот картинки прошлого. Мои бесценные сокровища. То, что всю жизнь согревает душу. То, ради чего стоит жить, растить детей и верить в хорошее.***

***Папа , спасибо тебе за это! С Днём Рождения!***





...Жизнь скоротечна и временна.  
Мгновенно, сполох молнии и ты уже  
у Черты, за которой - Вечность.  
Торопись, торопись друг творить добро,  
потому что не знаешь часа, в который  
призовет тебя Всевышний.  
Крещение - первый шаг на пути Спасения.  
Оно не спасает, а дает возможность  
Спасения - все в твоих руках.  
Ступил раз - не останавливайся, положи  
руки на плуг - назад не озирайся. Иди смело  
тернистым и узким Христовым путем,  
в конце которого неземной и неувечерний  
свет Вечного Блаженства.

С любовью о Господе  
священник Илья Зубрин



